

ЗАЙКОВ Константин Сергеевич / ZAYKOV Konstantin

Арктический центр стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова / Arctic Centre for Strategic Studies, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

Россия, Архангельск / Russia, Arkhangelsk

k.zaikov@narfu.ru

РЕЦ. НА КН.: Нет Севера, а есть Северá : О многообразии понятия «Север» в Норвегии и России — Net Severa, a est' Severá : The Manifold Ideas of the North in Norway and Russia / под ред. К. А. Мюклебуст, Й. П. Нильсена, В. Тевлиной и А. А. Комарова. Москва : URSS, 2016. 288 с.

REVIEW OF: Kari Aga Myklebost, Jens Petter Nielsen, Victoria Tevlina and Alexey Komarov (eds), *Net Severa, a est' Severá. O mnogoobrazii ponyatiya "Sever" v Norvegii i Rossii — Net Severa, a est' Severá : The Manifold Ideas of the North in Norway and Russia* (Moscow : URSS, 2016). 288 p.

Ключевые слова / Keywords: Российско-норвежские отношения, Север, северность, Крайний Север, регионализм, культура / Russian-Norwegian relations, North, northerness, Far North, regionalism, culture.

Сборник статей «Нет Севера, есть Северá» является итогом работы участников одноимённой научно-исторической конференции, организованной Северным (Арктическим) Федеральным университетом и университетом Тромсё (Арктическим университетом Норвегии) в Архангельске 8—9 сентября 2013 г. Эта конференция была проведена в рамках совместного норвежско-российского исследовательского проекта «Асимметричное соседство: Норвегия и Россия в 1814—2014 гг.», призванного придать новый импульс изучению истории отношений двух стран. Причём, как следует из самого названия сборника, внимание учёных фокусировалось преимущественно на «северном измерении» отношений соседей. По мнению редакторов и авторов статей, именно здесь, на Крайнем Севере, эти отношения за последние двести лет носили наиболее интенсивный характер. С другой стороны, актуальность обращения к теме «северности» естественна для народов, обладающих обширными территориями, ресурсами, а значит, и особыми интересами в обширной географической и климатической зоне, прилегающей к Арктике.

Авторы статей (их в сборнике всего 15) представляют научные учреждения и вузы Архангельска, Мурманска, Новосибирска, Киркенеса, Осло и Тромсё. Помимо них, в сборник включены работы по проблеме «северности» известных специалистов из Нидерландов и Финляндии.

Издание сопровождается вступительной статьёй специалистов университета Тромсё — профессора Йенса Петтера Нильсена (Jens Petter Nielsen) и доктора Кари Аги Мюклебуст (Kari Aga Myklebost) «Понятие о культуре и “северности” в

норвежской и русской академических традициях». Авторы предлагают читателю краткий обзор теоретических предпосылок, которые привели к появлению в западной историографии 1970-х гг. таких категорий, как «репрезентация» и «конструктивизм». В широком смысле, считают они, это стало одним из следствий «культурного поворота» (*cultural turn*) в гуманитарных и социальных науках в целом, базировавшегося на открытиях швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, который заложил основы семиологии и структурной лингвистики. Авторы указывают, что значение упомянутого «культурного поворота» состоит, в частности, в том, что в дополнение к традиционному эссенциализму историческая наука обогатилась новыми методологическими подходами (конструктивизм) и возникла целая группа субдисциплин (гендерная история, история семьи, устная история, история этнических групп и меньшинств и др.).

Согласно конструктивистскому подходу, исторические представления и доктрины представляют собой интеллектуальный конструкт, сознательно создаваемый учёными, политиками, писателями и публицистами. Конструктивизм уделяет особое внимание роли сознания, языка и идеологии как ключевого фактора, вокруг которого формируются различные представления о прошлом.

Во второй части вступительной статьи авторы раскрывают своё понимание тех путей, которыми шла эволюция исторической науки в СССР/России в до- и послеперестроечный период. К настоящему времени, считают авторы, она привела к плюралистичному с точки зрения применяемой методологии и идеологии подходу и к конкуренции различных концепций исторического прошлого.

Тем не менее авторы вступительной статьи полагают, что в отличие от западных учёных российским историкам чаще свойственно сохранение эссенциалистской (*essentialist*) философской установки, характеризующейся приписыванием некоторой сущности (в данном случае культуре и «северности») неизменного и объективного набора качеств и свойств.

Важно отметить, что приведённые во вступительной статье сведения в целом объясняют методологические различия в понимании культуры и «северности», которые в полной мере отразились в материалах сборника. Кроме того, само название сборника «Нет Севера, а есть Севера́» подчеркивает культурное разнообразие географически и территориально протяжённых российских «Северов».

Статья Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева «Северные варвары и северная цивилизация» утверждает цивилизационное единство Севера, которое находило своё выражение в различные исторические эпохи в противостоянии и диалоге с обобщённо

понимаемым Югом. За молодой цивилизацией Севера в глобальном смысле стоит, по мнению авторов, будущее мира.

Петер Стадиус (Peter Stadius), со своей стороны, в статье «Север в европейском ментальном картографировании» дал хронологический обзор изменений концепции Европейского Севера: начиная с периода борьбы Римской империи с варварами — тевтонскими племенами Севера. Позднее, в эпоху раннего Нового времени, борьба Севера и Юга Европы воплотилась в схватку римско-католического и протестантского миров. В конце концов, на рубеже XIX и XX вв. сформировалось представление о народах Северной Европы, как наиболее энергичных и дееспособных в европейском мире.

Й. П. Нильсен в статье «В поисках “северности” в русской истории» вычленил периоды, когда, по его мнению, Север играл особенно большую роль в истории России. Начиная с XVIII и до XX в., включая и постсоветское время. Поднимая вопрос о возможной взаимосвязи между культурой «северности» и интересом общественности к Северу, автор приходит к выводу о том, что такая корреляция действительно существует.

Интересна статья А. В. Головнёва «Историческая проекция северности России». По его наблюдениям, в российской историографии доминирует москвоцентристская перспектива, а Северу в большинстве случаев отводится роль периферии — недостаточно исследованной и плохо понятой. Несмотря на это, северная перспектива не раз открывалась в русской истории. Притом каждый раз она сопровождалась диалогом со Скандинавией. Начиная с истории «призвания варягов», через Смутное время, когда русско-шведские отряды изгоняли Лжедмитрия из Москвы, и спустя столетие при Петре Великом, основавшем Санкт-Петербург. И в героическую раннесоветскую эпоху, знаменитую освоением Северного морского пути.

Отто Буле (Otto Voelle), исследовавший в своей докторской диссертации русский литературный романтизм, в статье «Север как символ национальной идентичности в русской культуре» показал, как начиная с XVIII в. религиозные противоречия между Западом и Востоком утратили значительную часть своей остроты под влиянием секуляризации культуры в ходе реформ Петра Великого. Но если «северность» ещё и в эпоху Ломоносова продолжала служить сближению России с Западом, то уже в XIX столетии она, напротив, стала способом подчеркнуть «особость» России, отдаляющую её от Запада.

В статье «Формирование норвежской национальной идентичности. Этнические и национально-культурные определения» Улав Кристенсен (Olav Christinsen)

прослеживает, как на протяжении XVIII в. развивались наука и культура Норвегии. Особое внимание автор уделит историку Герхарду Шёнингу (Gerhard Shøning) и романтизации последним норвежских горных пейзажей и зимнего климата. Шёнинг, по его оценке, внёс незаурядный вклад в формирование национального норвежского самосознания и создание привлекательного имиджа, сменившего прежнее представление о Норвегии как культурно отсталой части Дании.

Т. И. Трошина в своей статье «Влияние природно-климатического фактора на формирование социальных отношений у населения северно-европейских территорий России» доказывает, что в суровых условиях Севера коллективизм жителей, сплочённых в общины, был жизненно важным условием их выживания.

В статье К. А. Мюклебуст «Бореализм и культурный национализм в норвежских и российских исследованиях северного фольклора» в сравнительном плане рассматривается деятельность российских и норвежских учёных по собиранию фольклора на Крайнем Севере. Автор пытается объяснить, почему в Норвегии Север описывался как преимущественно саамская территория. В то время как в России Север рассматривался как коренные русские земли.

Попытку выделить и охарактеризовать культурно-исторические факторы формирования «духовно-интеллектуального пространства» Баренцева Евро-Арктического региона предприняла Ф. Х. Соколова в статье «Духовно-интеллектуальное пространство Баренцева Евро-Арктического региона: сущность, факторы формирования». По её мнению, наличие общих ценностей и черт культуры обещает в будущем успешное продолжение и развитие трансграничного межкультурного диалога.

Комплексу образов, символов и ритуалов «сакральной географии» Русского Севера посвящена статья Н. М. Терехина «Сакральная география Севера России». По убеждению автора, центральное место среди них занимает образ «соборности». Специальное внимание уделено исследованию семиотических механизмов диалога между северными культурами.

Эволюцию регионализма и региональной политики рассматривает В. И. Голдин в статье «Северно-русский регионализм: Исторический опыт и сегодняшнее положение. Переоценка спустя 15 лет» (она опубликована на английском языке: «Northern-Russian Regionalism: Historical Experience and Today's Situation. A Reconsideration after 15 Years»). Наблюдающееся сегодня укрепление централизма и вертикали власти в стране происходит за счёт регионов. В том числе и северных. Однако помимо этого,

считает автор, становление регионализма на Севере ослабляется и соперничеством местных элит.

Гейр Хённеланн (Geir Hønneland) сравнивает в своём очерке «Русские в приграничье и норги как их соседи» («Borderland Russians, Bordering Norgs») самовосприятие северян — жителей Кольского полуострова и соседних областей Скандинавии. Его интервью с молодыми скандинавами показали, что при сравнительно высоком уровне жизни внутреннюю, духовную жизнь в своей среде они считают малосодержательной и бездуховной. Напротив, жизнь в Северной России видится им полной страстей, одухотворённой.

Проблему адаптации семей русских иммигрантов к жизни в Норвегии исследовала В. В. Тевлина в статье «Кому на Севере жить хорошо? Дети и их родители из России, переехавшие в Норвегию, о жизни на Севере». На материалах статистики и интервью с жителями Киркенеса она показала, как на учащуюся в норвежских школах русскую молодёжь влияет местный уровень благосостояния и образ жизни.

А. В. Репневский, опираясь на архивные материалы, продемонстрировал своеобразие повседневности норвежских консульских сотрудников в Архангельске [статья «Повседневная жизнь северного консульства. Документы Государственного архива Архангельской области (ГААО) как источник изучения деятельности консульства Норвегии в Архангельске (20—30-е годы XX в.)»].

Сборник издан на двух языках — русском и английском, но при этом все статьи снабжены аннотациями, соответственно на русском для опубликованных по-английски материалов, и наоборот.

В целом, вышеупомянутые работы международного коллектива специалистов — историков, культурологов и социологов — дают комплексную и хронологически ёмкую картину исследований по заявленной теме.